

Новый Орфей

Urbi

*Литературный альманах,
издаваемый
Владимиром Садовским
под редакцией
Кирилла Кобринна и Алексея Пурина*

Выпуск пятьдесят седьмой

Серия

Новый Орфей

(22)

Прага • Санкт-Петербург

Василий РУСАКОВ

УТЕШЕНИЕ

о людях и ангелах

Книга стихов

Санкт-Петербург
РЕНОМЕ
2007

ББК 84.Р7
Р 88

Русаков В.Е.

Утешение (о людях и ангелах) Книга стихов. – Urbi: Литературный альманах. Выпуск пятьдесят седьмой . Серия «Новый Орфей» (22). – Спб.: Изд-во «Реноме», 2007. – 64 с.

ISBN 978-598947-045-7

Почтовые адреса редакции:
Россия, 190005, Спб., а/я.
E-mail: cobrins@volny.cz

Дизайн обложки *Марины Ясыченко*.
Компьютерная вёрстка *Максима Швеца*.

*Автор выражает признательность
Тимофееву Юрию Александровичу
за поддержку в издании книги.*

© Василий Русаков, 2007.

I

* * *

Не слово, но глагол
Качнул седые воды,
Когда вогнали кол
И утвердили своды
Небесные во мгле...
Но этот сонм светил
Не намертво ль к земле
Ты сам приколотил?

На что, Родитель мой,
Я, приземлённый, годеи,
Что даже в день седьмой
От быта не свободен?
С чем сопоставлю рост,
Мой нетяжёлый вес? –
Аэрозолеи звёзд
Обрызган край небес.

* * *

Когда облака протыкает мерцающий свет
И звёзды дневные становятся видимы глазу,
Земля велика, но на ней собеседника нет,
Что ж, им говорю, повторяя известную фразу,
(Слегка переврав), мол, звезда быть хотела б душой,
Взвалить мирозданье на эти непрочные плечи,
Чтоб знать и страдать, чтобы космос ужасный, большой,
Тебя обнимал, и на страхи твои человечьи
Смотреть, как на сны, о которых успел позабыть...
Но, кажется, им всё равно, что твержу я с испугу.
Над крышей зари ариаднина рыжая нить,
И небо с землёй прижимаются тесно друг к другу.

* * *

Стихи не знают ничего, стихи не любят паузы,
Они болтливы – ну и что? – я редко их кромсал...
Есть город Секешфехервар, там делают «Икарusy»...
Я это просто так сюда, для рифмы, написал.
В стихии этой можно всё – куда кривая вывезет,
И тяготение небес не выпустит певца...
Словцо, конечно, так себе, но лишь оно и выразит,
Как сердце хочет умереть от красного словца.
И потому иду, твержу, тяну строку начальную...
Когда сажусь в трамвай – слежу, как он тыдык-тыдык...
И понимаю: мир возник нечаянно, нечаянно...
И я нечаянно закон нечаянный постиг.

* * *

Читаешь книгу, словно заново.
Не перечитывал давно
Стихи Георгия Иванова:
«... люблю фламандское панно...».
Как будто за листами белыми,
За описанием вещей
Медовой, рыжей краской сделаны
Столы и груды овощей.

А если овощи отсутствуют
(А это так, и холст – мираж) –
Я верю одному предчувствию:
Что не пустая это блажь –
Когда, обманывая зрение
И слух, любой находке рад,
Берусь за нить стихотворения,
Не зная цели, наугад.

* * *

О чём шумит прибой над финской серой гладью? –
Качается, приваживает нас...
Здесь Баратынский был... и пред его тетрадью,
Предвечный бог морской всё те же волны пас.
На эти облака, пески, деревья, скалы
Смотрел тогда задумчивый поэт.
Он был – не говори, что нет его... Пожалуй,
Коль нет его, то и меня здесь нет.

И каменный рельеф, и сосны строевые,
Зародыши тех сосен и елей,
Которые мы видим. Как впервые. –
Наследники выросли, стоят, сторожевые,
Как Павловский дремучий мавзолей...
Пусть время рушит всё и по его законам
Вода бежит на нас, пока всё не зальёт...
Смотри, какой вираж над старым стадионом
Закладывает белый самолёт!

* * *

Не состязаясь, повторим
Духовной жажды путь печальный,
Где шестикрылый серафим
Стоит, как Бог первоначальный,
Открыт для спеси единиц,
Он мыслью кажется единой,
Но опрокидывает ниц
Тебя, бредущего долиной.

Потом, как сказано, язык
Он вырвет прочь, чтоб не привык
Ты говорить высоким слогом, –
Мычи, Герасим, мучься, вой,
Смотри, молчком над головой
Светило говорит о многом...

Затем он твой наполнит слух,
Чтоб всё в расстроенный твой дух
Вошло, как входит наважденье,
И ты зари услышишь вдох,
И дня сплошной переполох,
И дум ночных нагроможденье...

Потом коснётся он очей
И взором в тысячу свечей
Прожжёт насквозь твою сетчатку,
Ты мир увидишь на просвет,
Живой души живой привет
По неживому отпечатку...

А там и сердце в свой черёд
Незримый ангел отберёт –
Кто кровь твою цедит и доит?
И всё, за что ты в драку лез,
Вдруг потеряет смысл и вес,
Когда любовь любви не стоит...

Ты станешь тяжким, словно труп,
Тебя не тронут песни века,
И если вслух не скажут – глуп,
Помыслят – умственный калека,
И опыт твой – что делать с ним? –
Теперь дешевле кока-колы,
Поскольку он неприменим,
Как эти лишние глаголы.

* * *

Ни кипарис, ни лавр, ни сладкий финик –
Привычный корм кудрявых верблюжат,
Ни тополь серый – миллион соринок
Летят вдоль улицы, колеблются, дрожат...
Ни облака в морской лохани плоской,
Ни холода сияющих вершин,
Ни айсберги над лодкой эскимосской...
Как этот мир велик и нерушим!
Какая в нём блистательная нега,
Как жарок жар, как неподвижен снег! –
Ничто нигде не помнит человека.
...Не нужен человек.

* * *

Я знаю, что небо не видит
Из бездны своей ничего:
Звезда отдалённая выйдет
Из мрака, раздвинув его,
Откроется ночь продувная –
Как страшен планеты полёт!
И смотрят светила, не зная
Того, кто под ними живёт.

А впрочем, и сам я не знаю
Ни имени им ни числа,
И только звезду вспоминаю,
Которая душу б спасла,
Которая сердца б коснулась,
Нежней, чем касаются губ...
Пусть это наивность и глупость –
Тогда я наивен и глуп.

* * *

Всё время под горку, где Лавра блестит,
Где Бог нас простит и грехи нам скостит,
Где Сергей Мамаю грозит.
Европе нет дела до русских князей,
Да нам и самим эта лавра – музей...
Тюрингия, знаешь, Тильзит...

Мы помним о Боге, а видим кресты,
Иконы. И в кассах – туристы. Просты
Платочки – то ситец, то шёлк.
А вот иностранки, они без платков,
У них, протестантов, обычай таков,
И наш не возьмут они в толк.

Им свечи, славянские речи – всё мрак,
А если и спросят – неведомо как,
Так ласточку слышим, пока
Она суется на рёбрах стропил –
Над нами ей место Господь уступил –
И смотрит на нас свысока.

И сам я – приبلудный, не скажешь – чужой
В стране (мы привыкли гордиться!) большой –
Не знаю, как встать, как пройти...
Ей, ласточке, проще – здесь дом её, здесь
Она, без сомненья, та самая весть,
Та самая встреча в пути.

* * *

А. С. К.

Твой трудный слух ничьих речей
Не слышит, только ямб и дактиль,
Другого счастья казначей,
Другой природы обитатель,
Где не умрёт случайный звук,
Любая сбудется примета –
Твоей тоски счастливый друг,
Твой слух конечно знает это,
И даже более чем есть:
Он рифмы звон и позолоту
Воспримет как простую лесть,
Не обольщаясь ни на йоту.

* * *

Один поэт полубезумный
Звонил мне ночью в два часа,
И пьяной лиры ропот струнный
И те, иные, голоса
Смешались в нашем разговоре
В одну печаль, в одну тоску,
И ужас белой ночи вскоре
Прильнул к горячему виску.

Потом он вновь звонил, подолгу
То извинялся, то смелел
И говорил, что, слава богу,
Он протрезвел, потом сумел
Себя взять в руки... Совесть, разум –
Почти спокойны... всё одно! –
Луна заглянет красным глазом
В его горящее окно.

* * *

О, Муза! – и т. д., как требует барокко,
Но говорить с тобой – в шизофрению впасть.
Твой голос приглушён, дыханье неглубоко,
Зачем тебе дана лирическая власть?

Когда бы обогреть наш петербургский климат,
И славу обрести, и пользу – где она?
Но ты идёшь туда, где точно душу вынут,
И думаешь, что там спасёшься ты одна.

Наивность – тоже грех, но горожанам прочим
Прощаются грехи, а ты по облакам
Бежишь, земная дочь, заглядывая в очи
То птице, то звезде, соравная богам...

И ты зовёшь туда, откуда нет возврата,
Ты обещаешь то, чего на свете нет,
И ты наверняка ни в чём не виновата,
Но виноват тебе поверивший поэт.

* * *

Утешусь ли красным словцом или звонкою фразой,
Недолго моё утешение – в тысячный раз
Я слышу, как там, за душой, ходит мрак одноглазый
И нет ничего, чтоб его отодвинуть на час.

И плачет душа, словно ей ничего не осталось,
Как в лодочке плыть, в тишину опуская весло,
Но следом за ней просыпается мыслящий хаос,
Ища утешенья в невнятной сумятице слов...

II

* * *

Память глотает мелочи, словно канзасский смерч,
Слово становится смыслом, уточнив значение,
Например, слово «родина» – это учебник «Родная речь»,
А слово «чёрт» – учебник «Топографическое черчение»;
И между ними пятнадцать неспешных лет,
Слово «лампочка» так и не стало учебником физики,
А «химия» – это совсем не предмет,
А наши питерские алкаши и шизики.

Слово «геометрия» стало сетью дорог,
«Русский язык» не стал ничем, вспоминая разве,
Как мурыжила нас Раиса Андреевна, я не мог
Не питать, скажем так, неприязни к такой заразе.
Я конечно несправедлив, можно, например,
Вспомнить что-нибудь лёгкое, словно радуга у фонтана:
Слово «родина» – кинотеатр и напротив сквер
Или коробка конфет с репродукцией Левитана.

* * *

Я десятиминутные часы
Песочные храню уже лет двадцать,
Они давным-давно мне не нужны,
Как те лабораторные весы,
Которые успели потеряться,
Но памяти все мелочи важны.

И фотографий чёрно-белых нет,
И из кювет, где проявляли снимки,
Мы сделали кошачий туалет,
Но вот часы – единственный предмет,
Случайно выживший, и помнят, как на свет
Серебряные вышли невидимки.

Они схватили что-то, что никак
Нельзя назвать и что неуловимо,
И вот – осталось, протекая мимо...
Я не скажу, что время – это враг,
Но, проходя сквозь узкий поясок
Сегодняшнего дня, я сам – песок.

* * *

Чиновный мир – особая планета,
Четвёртый Рим, и как тут ни крути,
В приёмный день в утробе комитета
По коридорам просто не пройти –
Уж с лестницы вопросы, и совета
Там просит кто-то... а, идя назад, –
Чума на оба ваших кабинета! –
Ворчит чудак и опускает взгляд.

И этих стен столетняя усталость
В подкорку въелась. Трудно сознать:
Архитектура с зодчеством рассталась,
И нет имён и некого назвать...
Но где твоя привычная досада,
Когда Фонтанку переходишь, тих?..
И смотрят друг на друга два фасада,
И эхом – имя зодчего меж них.

* * *

Сколько ж помнить о той бесконечной войне! –
Я не видел её, но глубоко во мне
Этот страх, эта чёрная вспышка огня,
Что спалила других и коснулась меня.
Моё детство прошло уже после войны,
Я не знал убивающей душу вины
За погибшего друга, за нашу страну,
За детей, уходивших на эту войну..
И не знаю – за что, но довольно вполне,
Что мой дед навсегда на войне, на войне...
Я не помню его, но ему там видны
Мои дни, мои ночи без этой войны.

БОУЛИНГ

Наташе Виноградовой

Шум и гам. Себя я слышу плохо.
Вот он, труд, касающийся всех.
Стук шаров. И выкрики. И грохот.
Не кузнечный, так дробильный цех...
Я, конечно, корчу Бонапарта –
Пусть рычит листопрокатный гром!
Мира нет, но существует карта,
И дрожат поджилки от азарта,
И стоят солдаты за бугром.
Полководец всё переиграет –
Ватерлоо и Аустерлиц...
Хорошо пехота умирает!
Хорошо, что мы не видим лиц...

* * *

Зачем приходить на могилу отца? –
Здесь память не встретит родного лица,
Лишь холмик бесцветный, да говор травы,
Да ветер случайный по верх головы.
Здесь пусто и сыро – сплошной неуют,
Здесь чёрные птицы как дома живут,
Густая крапива и пыльная сныть,
И хочется руки скорее умыть.

Ни светлое небо в лазурной красе,
Ни роща за прочерком тёмным шоссе,
Ни холм в этом поле, увы, не пустом, –
Ничего не похоже на вечный Твой дом!
Но смотришь на крест, словно хочешь прочесть
Сквозь холод неясно дошедшую весть,
И кажется, это какой-то ответ...
Слова непонятны, и голоса нет.

* * *

Ты выйдешь из ванной в халате, как иудей,
Скорее – пастух, только посоха недостаёт,
Отара твоих табуреток на кухне, ей
Уютно и законный не страшен лёд...
Всё в точности так, словно тысячи долгих зим
Ты ждал этой ночи во славе и блеске звёзд,
Но где та, одна, которой невыразим
Лазоревый свет?.. Мир чист и прозрачно-прост.
И плачет душа, но не смейся, мой друг, над ней –
Ты сам хоть однажды стоял у ночного окна?
Как мало дано и как много чужих огней!
Бессонная пропасть прозрачна до самого дна...
И думаешь – разве бы я не пошёл к Христу? –
Когда бы я знал, я и сердце принёс моё...
И выберет взгляд близорукий одну звезду,
Не зная – сумеет ли завтра найти её.

* * *

Молчи, не говори о трудностях житейских.
Когда свербит в душе обида и тоска,
Припомни те края, где жителей летейских
Ничем не зацепить... Скромна пусть и узка
Дорога дней твоих, тесны твои пределы,
Пусть низок горизонт – не видно ничего...
Ещё не выпал снег. Он будет белый-белый,
И что же разглядишь сквозь белизну его?

Не слишком мысль грустна, чтоб стать тебе подпоркой? –
Тем лучше, отстранись от собственной беды,
Тогда тоска твоя покажется не горькой,
Не безнадежными – страданья и труды,
Поскольку всё поёт оса на сенокосе,
Поскольку жарок день и радостно-тенист.
Смотри, как ласкова крадущаяся осень! –
И сладок каждый миг... и дорог каждый лист...

* * *

Он вчера позвонил и сказал, что убили сына...
Я молчал в телефонную трубку, мне было страшно
За него; за себя, если честно сказать, противно –
И молчать невозможно и что ни скажи – напрасно.
Но потом я наплёл – мол, держись, прилечу,
вот надену куртку...
Он твердил – ничего, не надо... Как слаб и гадок
Был я – полный козёл! Он хрипел – погоди минутку...
И сморкался в платок, и бежал холодок меж лопаток.
Вот приходит горе, а друга утешить нечем.
Для чего же и дружба нужна, если нет опоры? –
Ты скажи там, возьму неделю... – Да-да, конечно...
И долблю, как пластинка: ох, горе, какое горе!

* * *

Норд-ост расшевелил волну; полуодета,
Нева в гранитной мгле вздыхает и дрожит,
И где-то далеко забывчивое лето...
Вот – мокрое чудовище лежит,
Ворочается каменная гидра...
Я понимаю, здесь античный стих продрог –
Не заблестит Исаакиева митра,
И занесёт ступень, и заснежит порог...
Переплывая тьму и мёртвые пустоты –
Как Петропавловские звоны далеки! –
Подходит серафим и спрашивает: Кто ты?,
И кормит северное чудище с руки.

* * *

Мы друг другу неродные –
Ходишь по дому сычом.
Как стихи переводные,
Не расскажешь ни о чём;
Прогнозируя потерю,
Лучше сядем, помолчим.
Я твоим словам не верю,
А тем более – моим.

Хорошо бы осторожно,
Без обиды, обойтись,
Если это невозможно,
То – катись, катись, катись...
Кто, решительный, прогонит,
Кто, другой, утешит нас?
То не ветер ветку клонит –
Вот и весь недолгий сказ.

* * *

Я сказал – уходи! И ушла она,
Провела на вокзале ночь,
Потому – что потребовала жена,
Потому – что и сам не прочь
Проучить бездельницу, воспитать,
Потому – что я старший брат,
Потому – что... как много пришлось отдать
За непрочный семейный лад!

А она простила меня, она
Говорила мне – ты поэт,
И когда б не потребовала жена...
А с тебя, мол, и спросу нет...
Годы лица отметили той резьбой,
Что не красит... и где семья?
Я не знаю, что сделал бы с тем собой,
Я не верю, что это я.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

За кроссворд схватился сосед-всезнайка,
Но слова играют с ним в кошки-мышки,
Сколько сядет ангелов, угадай-ка,
На иглу Останкинской телевышки?
А пока он слово берёт на шпатель,
Чтоб его размазать по каждой клетке...
Я и сам, похоже, подсел, приятель,
И мои недуги не так уж редки...

Что ещё вокзальной текучей скуке
Противопоставить? – найду едва ли...
Подчиняясь выдуманной науке
Мой сосед штудирует вертикали,
Подсказать ему – да неловко вроде,
Он и сам, похоже, в каком-то ранге...
Время словно ватное – не проходит,
И с плафона смотрит бессонный ангел.

* * *

Если осень, и сыро, и тянет дымком –
Есть во всём этом странный уют...
Ты меня не жалея, это я ни о ком,
Это так, это нервы сдают.

Это Пушкин в лицейском саду, это лист
Закружился кленовый, летит,
Это в узком проулке случайный турист
На барочные стены глядит.

Что ему эта роскошь российских цариц?
Удивишь ли Европу? – ничуть...
Но поток этих листьев летящих и лиц...
Этой осени сладкая муть.

* * *

Пошёл, пошёл траншеи край,
И грузно отделилась бровка...
Монтажник Витя, удирай!
А он откинулся неловко...
И – ух! – упало, наконец,
Под сероватым свежим сколом,
И слово звонкое – п.....ц!
Повисло в воздухе тяжёлом.

Бежит прораб, и наугад
Мелькают шустрые лопаты...
Он сам, он сам и виноват,
А мы, а мы не виноваты.
Звонит мобильный телефон,
Зеваки вывихнули шеи,
И вынимают Витю вон
Из обвалившейся траншеи.

Столкнулись нынче: Витя... Вить! –
Привет-привет... – Какие люди!
Мы собирались навестить,
Да понимаешь ... – Ладно... будет...
Ну как там наши? – Сам-то как? –
Сказали, фирма виновата,
Назначат пенсию... ништяк...
Но, знаешь, бабок маловато...

* * *

Геодезия учит терпению,
На дожде, на промозглом ветру
Ты подобен скорее растению...
Дай-ка стеклышко, что ли, протру.

Разрастающееся здание
И осенняя жидкая жуть...
Для чего тебе дали сознание –
Инженерные сети тянуть?

Да, конечно, не хуже, чем прочие,
Наше дело, иначе хана.
И ещё, ты увидел воочию
Эту жизнь... хороша ли она?

Не ответишь так запросто... лучшего
Не придумать ответа, а жаль.
Посмотреть бы, к примеру, на Тютчева,
С нивелиром бредущего вдаль.

Впрочем, глупость, пустое сравнение,
Ты на месте и нечего тут!
Воет бара. Ты помнишь? – терпение,
А впридачу к терпению – труд.

НАРКОМАН

Шагнул в окно и не нашёл моста...
А дальше всё заранее известно:
Второе искушение Христа –
Другая жизнь, совсем другое место,
Но тот же наркотический оргазм,
Но тот же зов в неведомое царство.
О, как прекрасен чаемый соблазн! –
И не преткнёшься – сказано... лукавство!
Распластан труп под окнами в кустах,
К весне проснувшихся, живущих каждой порой.
Ещё луна и звёзды на местах,
Ещё фонарь рассеивает страх
И участковый ждёт приезда «скорой».

* * *

Если я – Твоё подобие,
Если образ Твой и плоть,
Если верно – не во гробе я
Нахожу Тебя, Господь,
Если страхи мои, горести,
Как свои, Тебе близки,
Я – Твоей крупица совести,
Лепесток Твоей тоски...
Если муки, быстротечному,
Мне отпущены, скорбя,
То, припав к престолу вечному,
Чем утешу я – Тебя?

III

* * *

На лодочке фетовской тихой протокой...
Ты тёплую воду ладонью потрогай,
Вот тень прилегла на просохший песок,
И день голубой бесконечно высок.

Плывёт шоколадка в горячем кармане,
Вот катятся двое на катамаране,
И надо уткнуться в песчаную гладь,
Чтоб их пропустить, а не двигаться вспять.

И ты не спешишь, и я сам беспечален,
От этой косы мы не скоро отчалим...
Мы голые рыбы на голом песке,
И счастье висит на твоём волоске.

* * *

По весне играют воды
И нельзя им не играть –
У природы нет свободы,
Из чего ей выбирать?

У реки или у поля
Разве спросишь – чьё ты, чья?
И взамен свободы – воля...
Тоже – выдумка моя.

Потому-то безответный
Свод висит над головой –
Тихий-тихий, летний-летний,
Золотой,

Что не мучится с ответом
Старый лес,
Вот – шумит, но вслед за летом
Он исчез...

* * *

И этот уголок тобой обжит:
Столетний лес, грудастая долина,
Славянки лента девичья лежит –
Подарок, очевидно, славянина...
Здесь тел нагих от хвои не укрыть,
Коль из одежды – бронзовые лавры,
И по дорожкам мчатся во всю прыть
Велосипедо-мальчики-кентавры.

Или вон те – на роликах, кому
В античности подобны эти лица?
Колонна прячется в задумчивую тьму,
Ей нравится дремучая темница...
Мне тоже нравится, что можно в этой тьме
Стоять невидимым, пусть мир проходит мимо,
Когда, вот так легко припав ко мне,
Ты дразнишь губы жарко, нестерпимо...

* * *

Мимо повивального института,
Университета проходим мимо,
Неопределима сейчас минута
Или удивительно растяжима –
Можно рассказать о себе полжизни,
Глянешь на часы – словно время стало,
А душа далёкой своей отчизны
И не покидала.

Потому что рай, как сказали, – время,
Данное тебе для души летучей,
Лишь оно зачтётся, но к этой теме
Мы ещё вернёмся, пока ж не мучай,
Дай наговориться, нацеловаться,
Дай тебя послушаться... мало... мало...
Врут часы, торопятся, суетятся.
Время стало.

* * *

Ты скажешь: люблю – я как будто оглох,
Ты вечно меня застигаешь врасплох,
Мне всё эта новость нова...
Не надо, не трогай, не надо – отстань!
Качается шторы крылатая ткань,
И враз пропадают слова.

Отвечу: люблю – и конечно совру,
Сорвусь в продувную, пустую дыру,
Что сердцем прикрыта едва...
И всё-таки – радость, и всё-таки – грусть...
И тут же раскаюсь и снова сорвусь...
И всё это – просто слова.

* * *

Молодая Серова смотрит с экрана, ждёт.
Чёрно-белые стены, пустая квартира, дверь...
А за кадром другая Серова неслышно пьёт
И не верит, что он вернётся. И ты не верь.
То ли трудное дело – быть прямой и не упасть,
То ли трудно с поэтом делить быстрой славы дым,
Справедливая наша, советская наша власть –
Всё для счастья как будто, а счастья и нет двоим.

Этот страшный, типичный случай в любом доме
Без труда отыщешь – туманный взгляд и живая боль...
Ты спроси – почему ты пьяная? – Потому...
Утекает жизни губительный алкоголь.
И одно остаётся – допить её и уснуть...
Ах, берёзки-тальянки, в реке голубая высь...
А проспится и видит, как долог и ясен путь,
И боится проснуться и думает – не сорвись...

* * *

Уснул Менелай и не видит Елены –
Как воздух губительно густ!
Стоят неподвижно троянские стены,
Забылся на ложе Прокруст.
Семейная быль не кончается болью –
Никто никого не убьёт,
И в мягкую, тёплую шубу соболью
Вечерний укрыт небосвод.

За окнами солнце проходит по кругу,
Бурлит в батарее вода...
Зачем же, зачем эту жалость и скуку
Лелею в себе иногда?
Ведь ясно, уже не Елена – другая
Нужна, и как можно скорей!
И лезут на стены герои, ругая
Своих бестолковых царей.

* * *

Как осень безоглядна и свежа –
Смотрю в окно, как смотрят друг на друга,
Какая чёткая, глубокая межа
Проложена от севера до юга!
В тени весь двор, но солнечный надрез
Рассёк листву взъерошенного вяза,
Выглядывает робко и стоглазо
Вчерашний день, он здесь, он не исчез.

Что я скажу, как объясню зимы
Нескорую, но явственную стужу?
Как близко-далеки сегодня мы,
Какой озноб я в сердце обнаружу
Твоём, в моём – какие холода?
Как торопливы в это время птицы! –
Им осени томительной страницы
Перевернуть не стоило труда.

* * *

Дворник прёт охапку старых граблей –
Что смотреть? Но взгляд не отвести...
Лето не кончается на бабьей
Жёлтой ноте, Господи, прости,
Или алой ноте и лиловой –
Хочется от лета вдалеке
По-рязански петь о тьме кленовой
На галантерейном языке.

Потому что душно и тоскливо –
Отчего случается тоска?
Осень петербургского разлива
Слишком истерична и резка,
Слишком, понимаешь ли, устала
Ждать душа неведомой родни...
Потому, что мало, слишком мало,
Телефонной глупой болтовни.

* * *

Я ждал тебя, я шторы опускал,
А за окном Ока текла по тверди
И месяц – мой соперник и фискал –
Отыскивал твой адрес на конверте,
И каждый штрих и каждый чуткий блик
Был для него уликой несомненной,
И, поражённый множеством улик,
Он уплывал по медленной вселенной.

Тебя ли ревновал ночной дозор?
Твою ли тень искал в моём окошке?
Мне надоел дотошный ревизор –
Звонки ночные, окрики, подножки...
Как будто он и в самом деле князь
И звёздный хор его назначен славить,
Но, верно, жизнь ему не удалась
И он чужую пробует направить.

* * *

С. Х.

Как далеко раздвинуты границы,
Как велика урезанная Русь! –
Летят, летят степные кобылицы,
А я остановлюсь.
Мне б в Дании, Голландии хотелось
Пожить с тобой, и мой резон таков:
Когда душе молчание приелось,
Хватило б двух шагов,
Чтоб до тебя дотронуться, прижаться
И в тесноте прожить остаток лет.
Пусть поезда кричат и кони мчатся! –
Мне дела нет.

* * *

Под Каширой или в Туле –
Где Ока, где не Ока? –
Звёзды ранние уснули,
Нет ни огонька,
На мостках намокли доски,
Смотрим на реку, стоим...
Вспоминается Твардовский
С Тёркиным своим.
Здесь не мост, не переправа,
Не в болоте сонном гать,
Только ночи мощь и слава –
Нечего и ждать.
Только мрак во тьме могучей
Да реки внизу возня,
Если жизнь всего лишь случай –
Поцелуй меня...

* * *

Нам бы Разина, чтоб от Рязани Окой
Плыть на струге, разрезав в реке облака,
И с татарочкой грустной... не знаю какой,
Обниматься до одури – песня легка,
Но волна зашумит за бортом, за бортом,
И припомнится то, чем народ этот горд:
Утопил молодуху. Дурак, и потом
Что за дикость – бросать человека за борт?!

Потому я и выбрал не Волгу – Оку:
Ни вина, ни вины, ни коротких расправ,
Ни долгов, что вменил во хмелю казаку
Круг горластый казачий, княжну отобрав...
Что за норы бесовский! Вот чёртова блажь –
То, что любишь, своей уничтожить рукой...
Утопил? Да поди ты! Неужто? Покажь! –
Хорошо, что не Волгой плывём, а Окой...

* * *

Что на память дать? – ничего не дам...
До отхода поезда пять минут.
В темноту вхожу, словно космос там:
Я уже не я, и меня не ждут.
Даже та, что ехала провожать,
Возвращается, чтоб пораньше быть –
Чтобы мне не мучиться, не дрожать
За неё – так правильно... Полюбить
Эту ночь за тьму, за мерцанье, дрожь...
За свободу страшную налегке
И за то, что я в эти звёзды вхож
С человеческой совестью в узелке...
Одиночество – неподъёмный дар.
Никому не муж, никому не друг...
Суета, перрон... Сколько рядом пар!
Проводниц – и тех восемнадцать штук.

* * *

Твоя печаль – почти что Хиросима,
Так жжёт меня невидимым лучом,
Она тиха и непроизносима, –
И обо мне, и, в общем, ни о чём...

Но вечером прозрачным и воздушным,
Когда на всём отсутствия печать,
О лете нежном, лете промелькнувшем
Ну почему так радостно скучать?

Не потому ль, что полудобровольно
Скользим туда, к началу всех причин...
И эта жизнь глуха и безглагольна,
И райский свет для глаз неразличим.

* * *

Я тебя забываю, ты есть, но ты где-то не здесь.
Теснота в голове и к тебе невозможно пробиться...
В этом городе ангелов столько, что некуда сесть
Пролетающей птице,

А уж нам и подавно – гостиница, старый вокзал,
Всё чужие, смышлёные взгляды да реплики в спину.
Я тебе ровным счётом ещё ничего не сказал...
Никогда не покину...

А «межгород» звонит, и я трубку вспотевшую сжал,
Ты себя не жалеи, христианка, душа-самоволка.
Но я руки твои в тот единственный миг удержал,
Уезжая надолго.

И поэтому... нет, я пророчить боюсь, не могу.
Я ещё не привык сознавать, принимать как потерю...
И поэтому если не знаю, то лучше солгу,
Потому что так верю.

* * *

Тебя не утешит мой голос, мой слог,
Тебя не утешит невидимый Бог,
Когда в пустоте изначальной
Ты лёгкою станешь, печальной.

Меня не утешит твой облик земной,
Который, я верю, навеки со мной,
Когда чёрный ангел в полёте
Отнимет Дыханье у плоти.

Но ты или я, над Вселенной кружа,
Останемся ждать у того рубежа,
Где просто долги отдаются,
Где заново души сойдутся.

А если я это придумал сейчас,
Пусть будет в другом утешенье для нас –
Что где-то в преддверии Бога
Мы встретились. Этого – много.

* * *

Так беспечально лето плачет,
Так холод осени далёк,
Так лес в тени тревогу прячет,
Так день под серый куст залёг,
Так лист в предчувствии полёта,
Мгновенью мокрому под стать,
От жизни ждёт ещё чего-то,
О чём не вправе и мечтать.

ФЛЕЙТИСТ В МЕТРО

Не денег ищешь ты, а сладкого похмелья
Недолгой славы, может, пять минут,
Но флейты хрипотца и грохот подземелья
Ни славы, ни рубля в достатке не дают.

И ты стоишь столбом и раздуваешь щёки,
И рад твой быстрый взгляд другим глазам – любым,
Но голос тихий, голос одинокий,
Он сам себе поёт: «Под небом голубым...»

Содержание

I

«Не слово, но глагол...»	7
«Когда облака протыкает мерцающий свет...»	8
«Стихи не знают ничего, стихи не любят паузы...»	9
«Читаешь книгу, словно заново...»	10
«О чём шумит прибой над финской серой гладью?..»	11
«Не состязаясь, повторим...»	12
«Ни кипарис, ни лавр, ни сладкий финик...»	14
«Я знаю, что небо не видит...»	15
«Всё время под горку, где Лавра блестит...»	16
«Твой трудный слух ничьих речей...»	17
«Один поэт полубезумный...»	18
«О, Муза! – и т. д. как требует барокко...»	19
«Утешусь ли красным словцом или звонкою фразой...» ...	20

II

«Память глотает мелочи, словно канзасский смерч...»	23
«Я десятиминутные часы...»	24
«Чиновный мир – особая планета...»	25
«Сколько ж помнить о той бесконечной войне!..»	26
Боулинг	27
«Зачем приходиться на могилу отца?..»	28
«Ты выйдешь из ванной в халате, как иудей...»	29
«Молчи, не говори о трудностях житейских...»	30
«Он вчера позвонил и сказал, что убили сына...»	31
«Норд-ост расшевелил волну, полуодета...»	32
«Мы друг другу неродные...»	33
«Я сказал – уходи! И ушла она...»	34
Зал ожидания	35
«Если осень, и сыро, и тянет дымком...»	36
«Пошёл, пошёл траншеи край...»	37
«Геодезия учит терпению...»	38
Наркоман	39
«Если я – Твоё подобие...»	40

III

«На лодочке фетовской тихой протокой...»	43
«По весне играют воды...»	44
«И этот уголок тобой обжит...»	45
«Мимо повивального института...»	46
«Ты скажешь – люблю – я как будто оглох...»	47
«Молодая Серова смотрит с экрана, ждёт...»	48
«Уснул Менелай и не видит Елены...»	49
«Как осень безоглядна и свежа...»	50
«Дворник прёт охапку старых граблей...»	51
«Я ждал тебя, я штору опускал...»	52
«Как далеко раздвинуты границы...»	53
«Под Каширой или в Туле...»	54
«Нам бы Разина, чтоб от Рязани Окой...»	55
«Что на память дать? – ничего не дам...»	56
«Твоя печаль – почти что Хиросима...»	57
«Я тебя забываю, ты есть, но ты где-то не здесь...»	58
«Тебя не утешит мой голос, мой слог...»	59
«Так беспечально лето плачет...»	60
Флейтист в метро	61

РУСАКОВ
Василий Евгеньевич
УТЕШЕНИЕ

Компьютерная верстка – Максим ШВЕЦ
(812) 773 92 83 E-mail: schvec@mail.ru

ИП Генкин А.Д.
Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40,
Тел/факс (812) 766 05 66 E-mail: RENAME@comlink.spb.ru

Подписано в печать 18.12.2006
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4 1/4. Тираж 200. Заказ № 840
Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

На первой странице обложки: репродукция с картины Бёри-Джонс «Благовещение». (Sir Edward Burne-Jones «Annunciation»).